

На правах рукописи

Кухтина Надежда Ивановна

**СЕМАНТИКА И ТИПОЛОГИЯ СНОВИДЕНИЙ
В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО**

Специальность – 10.01.01 Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Воронеж – 2020

Работа выполнена на кафедре истории и типологии русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель доктор филологических наук, доцент

Нагина Ксения Алексеевна

Официальные оппоненты: **Николаева Евгения Васильевна**, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», кафедра русской классической литературы, профессор
Алексеева Галина Васильевна, кандидат филологических наук, ФГБУК «Мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», отдел научно-исследовательской работы, руководитель

Ведущая организация: ФГБУК «Государственный музей Л. Н. Толстого»

Защита состоится «29» апреля 2020 г. в 17.00 на заседании диссертационного совета Д. 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу: <http://www/science.vsu.ru/disser>.

Автореферат разослан « » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Фаустов Андрей Анатольевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Художественный и религиозно-философский мир Льва Толстого не мыслим без сновидений. Первое неоконченное произведение писателя «История вчерашнего дня» не только содержит детальное изображение сна героя, но и обращает к «теории о сне», создатель которой размышляет о механизмах засыпания и пробуждения, о роли воспоминаний в формировании сновидческих грез. Первое из окончанных всемирно известных произведений писателя – повесть «Детство» – начинается с пробуждения Николеньки Иртеньева. Сон является одним из значимых элементов психологического анализа, в сферу которого попадают сознательное и бессознательное. Однако сон и сновидение служат не только психологическим инструментом. Они включаются в символическую картину действительности, которую строит Толстой, обращаясь к аналогии сна / смерти, засыпания / умирания, пробуждения / воскресения, как в рассказе «Метель». Соотнесение смерти и сна свое развернутое истолкование получит в снах Андрея Болконского, а «Исповедь» органично включит в себя сновидение рассказчика, в символической форме обосновывающее его веру.

Сфера иррационального неизменно привлекала житейское и бытийное внимание писателя. Онирическая сфера соединяется с эпистемологической концепцией Толстого, отчасти носящей творческий, а потому иррациональный характер. С точки зрения мыслителя, чтобы познать *другого*, недостаточно пяти человеческих чувств, необходимо задействовать шестое, помогающее перенести себя в *другого*, отождествить себя с ним, слиться в единое эмоциональное целое. Такой способ познания опробован Толстым в художественных текстах и объяснен в Дневниках и религиозно-философских трактатах. Осуществление такого познания и самопознания становится возможным в пространстве иррационального – в сновидениях и

грезях героев «Утра помещика», «Кзакоков», «Войны и мира».

Сновидения в творчестве Л. Н. Толстого неоднократно становились предметом исследования. Д. С. Мережковский в своей книге «Лев Толстой и Достоевский» обратил внимание на усиливающуюся в период позднего творчества тесную взаимосвязь образности и логики сновидений с религиозно-философским мирозерцанием Л. Н. Толстого¹. Б. М. Эйхенбаум отличил «психологические» сны персонажей романа «Войны и мир» от «аллегорических» снов в романе «Анна Каренина»². Б. И. Берман посчитал «первичными» для целого ряда толстовских текстов образы раннего произведения «Сон», обнаружив взаимосвязь сновидения с «женским мифом» писателя³.

К изучению дневников писателя обращается В. Порудоминский, уделяя значительное внимание толстовскому пониманию проблемы сна и сновидения⁴. О. В. Сливицкая отмечает психологический и символический аспекты сновидений⁵. «Метельные» сны героев Толстого рассматривает К. А. Нагина в монографии «Метельные пространства русской литературы»; ею же проанализирован сон / греза Дмитрия Нехлюдова в рассказе «Утро помещика» и сон героя в рассказе «Ассирийский царь Асархадон» в контексте эпистемологической концепции Л. Н. Толстого⁶.

При изучении романного творчества Толстого исследователи неизбежно обращаются к анализу сновидений персонажей. В. В. Савельева

¹ Мережковский Д. С. Лев Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. – Москва : Наука, 2000. – С. 243-248.

² Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы / Б. Эйхенбаум. – Ленинград : Худ. лит. Ленинградское отделение, 1974. – С. 181-185.

³ Берман Б. И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича / Б. И. Берман. – Москва : Гендальф, 1992. – С. 76-77.

⁴ Порудоминский В. «Особенно оживленная деятельность мозга». Сны и сновидения в духовных исканиях Толстого / В. Порудоминский // Человек. – 1997. – № 6. – С.129-149.

⁵ Сливицкая О. В. «Истина в движении». О человеке в мире Л. Толстого / О. В. Сливицкая. – Санкт-Петербург : Амфора, 2009. – С. 366-368.

⁶ Нагина К. А. Метельные пространства русской литературы / К. А. Нагина. – Воронеж: «Наука-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 38-50, 72-73; Нагина, К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого / К. А. Нагина. – Воронеж: «Научная книга», 2012. – С. 227-231.

посвящает главу своей монографии «Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей» изучению онейрической сферы романов Толстого, а также «Исповеди»¹. Исследователь отмечает значимую в творчестве писателя связь сновидения с темой смерти, а также противопоставляет сны, имеющие чувственную и философско-символическую природу. Сны героев романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» рассматривают Д. С. Мережковский, Б. М. Эйхенбаум, В. Н. Ильин, И. В. Страхов, С. Г. Бочаров, В. Б. Ремизов, А. П. Андреева, О. В. Сливицкая, К. А. Нагина, Д. Орвин, Д. Ранкур-Лаферьер, Р. Густафсон и другие. Вклад в изучение сна и сновидения в творчестве Л. Н. Толстого внесли видные зарубежные исследователи. Д. Ранкур-Лаферьер подходит к анализу снов в творчестве Толстого с позиции психоанализа². Д. Орвин рассматривает сновидения персонажей произведений Л. Н. Толстого в контексте проблемы общего и индивидуального³. Особая заслуга в изучении сновидной сферы произведений писателя принадлежит Р. Густафсону, который в монографии «Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого» со сном / грезой соотнес особый вид познания, осуществляющийся посредством преодоления границ собственного «я» и «перенесения» себя на объект познания⁴. Обратившись к проблеме «вспоминающего сознания» при анализе сновидений персонажей, Р. Густафсон установил непосредственную связь сновидения с актом воспоминания, акцентированную в творчестве Толстого.

Несмотря на огромный интерес к творчеству Л. Н. Толстого, тема сна и сновидения в творчестве писателя исследована далеко не в полной мере, до

¹ Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей / В. В. Савельева. – Алматы: Жазушы, 2013. – С. 128-223.

² Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ / Д. Ранкур-Лаферьер. – Москва : Ладомир, 2004. – С. 285-540.

³ Орвин Д. Т. Искусство и мысль Толстого / Д. Т. Орвин. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. – С. 119-130.

⁴ Густафсон Р. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого / Р. Густафсон. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – С. 226-229.

сих пор не существует классификации сновидений, так широко и многообразно представленных в толстовских текстах. **Актуальность** диссертационного исследования и определяется тем, что в нем предпринимается попытка на основе анализа снов, а также близких к ним состояний грезы и бреда выявить особенности функционирования сновидений в художественной системе писателя и тем самым прояснить его литературную антропологию и эпистемологию, религиозно-философские взгляды.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые комплексно анализируются сновидения героев Толстого в соотнесении с религиозно-философской концепцией писателя, выстраивается типология снов.

Объектом исследования в работе являются произведения Л. Н. Толстого, отражающие специфику функционирования сновидения в художественной системе писателя. Среди них рассказы «История вчерашнего дня», «Метель», «Утро помещика», «Сон», «Альберт», «Ассирийский царь Асархадон», «Хозяин и работник», повесть «Казачьи сыновья», романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», религиозно-философские труды «Исповедь», «В чем моя вера?».

Предмет исследования – сновидения и близкие им состояния психики (грезы, бред), их образность, логика и принципы использования в художественном творчестве Толстого, а также «теория о сне» писателя.

Проблема исследования состоит в создании типологии сновидений персонажей Толстого, позволяющей выйти к реконструкции сновидной концепции писателя, напрямую связанной с его религиозно-философскими взглядами, в частности, с эпистемологической концепцией, с представлениями о взаимоотношениях сына-человека с Богом-Отцом, что еще не становилось объектом отдельного описания.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей изображения сновидений в художественных произведениях Л. Толстого,

определение их роли и места в системе религиозно-философских воззрений писателя для реконструкции его сновидческой концепции.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

1. Исследовать формы воплощения «теории о сне» Л. Н. Толстого в произведениях 1850-1860-х годов;
2. Произвести целостный анализ сновидений персонажей, увиденных ими в метель, исследовать их в сопоставлении со сновидениями героев «метельного» текста русской литературы, представленного в произведениях В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова;
3. Определить эволюцию «метельных» сновидений героев Толстого (от сновидения персонажа «Метели» до сновидений Брехунова и Никиты в рассказе «Хозяин и работник») и выявить ее магистральную линию;
4. Связать сновидения героев рассказа «Утро помещика», повести «Казачи», романа «Война и мир» с эпистемологической концепцией Л. Толстого; рассмотреть особый способ познания и самопознания, осуществленный сновидцами в онирической сфере;
5. Описать образы и модель мироздания, возникающую в снах толстовских персонажей – Пьера Безухова и Пети Ростова – в соотношении с религиозно-философскими взглядами Толстого;
6. Дать интерпретацию «снам-прозрениям» толстовских персонажей, особенно сновидениям Андрея и Николеньки Болконских в контексте религиозно-философской концепции писателя;
7. Выявить определяющую роль женского начала в «снах-прозрениях» героев Толстого, соотнести подобные сновидения с «женским мифом» писателя;
8. Проанализировать символические сновидения героев Толстого, реализующие религиозно-философские представления писателя, в частности, сон автора-героя «Исповеди»;
9. Выявить устойчивые символы, образы, мотивы, литературные коды, определяющие поэтику сновидения в творчестве Л. Н. Толстого.

Материалом диссертации послужили художественные, религиозно-философские, публицистические произведения Толстого, Дневники и письма, в которых изображаются сновидения героев, содержатся наблюдения писателя над сновидной деятельностью, утверждается связь сновидений с религиозно-философскими идеями автора, затрагиваются различные аспекты «теории о сне»; а также произведения русских писателей, содержащие сны персонажей, так или иначе сопрягающиеся со снами толстовских героев.

Базовыми для работы становятся историко-литературный, сравнительно-исторический, структурный, мифопоэтический **методы** исследования с привлечением элементов биографического и психоаналитического методов.

Методологической основой выступают труды отечественных и зарубежных исследователей – психологов: З. Фрейда, К. Г. Юнга, И. В. Страхова, философов: Д. С. Мережковского, В. Н. Ильина, филологов: Б. М. Эйхенбаума, С. Г. Бочарова, В. Б. Ремизова, Б. И. Бермана, Р. Густафсона, Д. Орвин, О. Сливичкой, К. А. Нагиной, В. В. Савельевой и т. д.

Теоретическая значимость исследования состоит в дополнении фундаментальных представлений, уже сложившихся в литературоведении в связи с анализом литературной онейросферы, и реконструкции сновидной концепции Толстого с учетом ее воплощения в произведениях разных жанровых форм.

Практическая значимость связана с тем, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании базового учебного курса истории русской литературы в высших учебных заведениях, специальных курсах, посвященных творчеству Толстого, в бакалавриате и магистратуре, а также помочь учителям средней школы в объяснении основных проблем изучаемых произведений писателя.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сновидения героев Толстого можно разделить на четыре группы: «метельные» сновидения, сновидения, отражающие эпистемологическую концепцию писателя-мыслителя, сновидения, связанные с «женским мифом»

Толстого, и символические сновидения. Границы между ними не абсолютны, и некоторые сновидения, например, Василия Андреича Брехунова и Пьера Безухова, объединяют в себе типологические черты разных групп.

2. «Метельные» сны героев Толстого являются неотъемлемой частью «метельного» текста русской литературы XIX века, представленного, в первую очередь, произведениями В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и С. Т. Аксакова.

3. «Метельные» сновидения персонажей Толстого (героя-повествователя в рассказе «Метель», Анны Карениной, Василия Андреича Брехунова и Никиты в рассказе «Хозяин и работник»), объединяются общими образами, темами, мотивами, благодаря чему создают единый сюжет, разрешающийся в рассказе «Хозяин и работник» ответом на вопрос о смысле человеческого бытия.

4. В сновидениях и грезах героев Л. Н. Толстого, в которых сновидцы переносят себя в *другого* (сновидения Дмитрия Нехлюдова, Дмитрия Оленина, Василия Брехунова, царя Асархадона), воплощается эпистемологическая концепция Л. Н. Толстого, связанная с особым способом познания и самопознания. Такие сновидения объединяются своим итогом: идеей «жизни для других» и любви, долженствующей объединить все живые существа.

5. В сновидениях персонажей неоконченного рассказа «Сон», рассказа «Альберт», отчасти в сновидениях Николая Ростова, Андрея Болконского («Война и мир») и Дмитрия Нехлюдова («Воскресение») воплощается «женский миф» писателя, согласно которому женщина выступает посредником между сферами земного и небесного, а также инициирует прозрение толстовских героев.

6. Сновидения Андрея и Николеньки Болконских воплощают религиозно-философскую мысль писателя о смерти, трансформации сознания человека при переходе границы, отделяющей его от вечности, о принципах связи Бога и человека, представленных в образах Отца и сына.

7. Сновидение автора-героя «Исповеди» прочитывается как выражение толстовского представления о вере и служит образцом символических сновидений в произведениях писателя.

Апробация результатов исследования. Основные идеи работы излагались в докладах на Международных и Межвузовских научных конференциях: «Литературные юбилеи 2014 года и проблемы компьютерной поэтики» (Воронеж, 2014), «Универсалии русской литературы» (Воронеж, 2014, 2015, 2016), «Литературные юбилеи 2019 года и проблемы компьютерной поэтики» (Воронеж, 2019), а также на научных сессиях Воронежского государственного университета (Воронеж, 2014, 2015, 2016, 2017, 2019).

Содержание работы отражено в семи статьях, из которых четыре опубликованы в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключение и библиографического списка, насчитывающего 198 источников. Объем работы составляет 162 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначаются научная актуальность и новизна, объект, предмет, материал, методология исследования, определяются цели и задачи, формулируются Положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Судьба, страсть и смерть: “метельные” сновидения героев Л. Н. Толстого»** сны, посетившие толстовских героев в метель, рассматриваются как часть «метельного текста» русской литературы XIX века, выявляются темы, образы, мотивы и литературные коды, объединяющие подобные сновидения.

В **первом параграфе «Образы и мотивы метельных сновидений в произведениях В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова»** рассматривается онирическая сфера «метельного» текста русской литературы

XIX века. Продолжая «метельную» традицию, Толстой акцентирует внимание на двух линиях бытийного поведения, избираемых персонажами, оказавшимися в ситуации нравственного выбора, в которую ставит их судьба, олицетворенная зимней стихией, и их дальнейшая участь напрямую связана с умением интерпретировать знаки судьбы, являющиеся во снах. В связи с этим выделяются два типа героев «метельного» текста русской литературы, представленные и в произведениях Толстого: персонажи первого типа следуют предначертаниям и полагаются на волю Бога / судьбы, в то время как герои второго типа проявляют своеволие, пытаются проложить свой путь наперекор судьбе-метели; первые в итоге вознаграждаются, вторые гибнут.

Во *втором параграфе* «Путешествие, воспоминание и сновидение в рассказе Л. Н. Толстого “Метель”» исследуется акцентированная в творчестве Толстого связь сновидения с воспоминанием. Путешествие в метель, когда легко сбиться с дороги, и ошибка может стать роковой, – метафора поиска своего места в мире, выбора жизненного пути. Сны, инициированные метелью, являются одной из форм самопознания, путешествия героя «к себе». Онирический код здесь связан с водным и обращает к теме смерти.

В *третьем параграфе* «Между сном и явью: состояния измененного сознания в романах “Война и мир” и “Анна Каренина”» рассматриваются состояния на грани бодрствования и сна, связанные с опирической сферой. Состоянию маленькой княгини, пребывающей между сном и явью в сцене родов, аккомпанирует метель, символизирующая судьбу. Следующим опытом описания состояния измененного сознания становится проникновение в подсознание Анны Карениной, движущейся в вагоне железной дороги навстречу судьбе. Путешествие в поезде соотносится с внутренним путешествием Анны к самой себе, определяющимся работой ее «вспоминающего» сознания, сосредоточенного на себе, так же, как героиня сосредоточена на себе и своей жгучей жажде жизни. «Веселый» «ужас

метели» в романе связан с темой смерти, неотвратимой трагической судьбы и бури-страсти. Сопряженные с метелью образы железной дороги и кого-то, стучащего по железу, переходят и в другие сны героини, настойчиво повторяясь зловещим предупреждением, однако Анна, движимая жаждой активного участия в жизни, личностного проявления и личного счастья, отказывается следовать предостережениям *метели*.

В *четвертом параграфе «Сновидения хозяина и работника: от жизни “для себя” к жизни “для других”»* рассматриваются сновидения героев рассказа «Хозяин и работник», завершающего «метельный» текст русской литературы XIX века. Брехунов, как и Анна Каренина, одержим страстью, но в его случае это страсть к деньгам. Сильная воля и недюжинная энергия, свойственная его натуре, направлены на преумножение материального достатка, составляющего смысл и цель его жизни. Однако, в отличие от Анны Карениной, отвергающей предупреждения метели-судьбы и избирающей путь «жизни для себя», в итоге ведущий к гибели, этот герой использует шанс изменить свою жизнь, следуя знакам судьбы. Ситуация бытийного прозрения смоделирована высшими силами. Образ Николая Угодника, покровителя путешественников, сопутствует герою на протяжении рассказа, в сновидении открывая истину. Мотив легкости / тяжести объединяет предсмертный сон Брехунова со сновидением работника Никиты: в сне Брехунова «свечной ящик» и «дом с железной крышей» – символы его неправильной жизненной стратегии, давящие его, от чьего гнета он освобождается, с радостью следуя зову Хозяина бытия и отдавая свою жизнь, чтобы спасти Никиту; Никита в своем сновидении видит себя придавленным возом, который в реальности оказывается его «мертвым замерзшим хозяином». Переход от ложной жизни «для себя» к жизни «для других», преодоление страха смерти и приближение к истинному Хозяину бытия становятся возможными через отождествление *хозяина с работником*, перенесение себя в *другого*, «рождающее новую личность».

Познание бытия через перенесение себя в другого, осуществляемое толстовскими героями, становится предметом исследования во **второй главе «Сознавать других как себя»: сновидческая и эпистемологическая концепции Л. Н. Толстого»**.

Первый параграф «Первый опыт “вспоминающего сознания”: рассказ “Утро помещика”» посвящен анализу уникального способа познания посредством перенесения *себя в Другого*. Полусон-греза фиксирует моменты духовного прозрения Дмитрия Нехлюдова, стоящего на пороге открытия мира, который он ранее с позиции *хозяина* пытался изменить в соответствии со своими представлениями об идеале. Уникальный процесс познания мира происходит во сне, в который незаметно для сновидца перетекает греза, а метафора полета служит указанием на освобождение от границ своего «я», отчуждающего героя от окружающих, и растворение в *другом*, обретение своего места в мире человеческой связанности.

Во **втором параграфе «Горы, логово оленя и Марьяна: мотив сна и его функции в повести “Казачи”»** исследуется связь ключевых образов повести с мотивами сна и пробуждения. Если прочитывать повесть с позиции анализа сновидения, становится очевидным, что сон – тот стержень, на который нанизываются смыслы. Весь текст представляет собой чередование сна и пробуждения (реальных и символических), начиная с путешествия Оленина из Москвы, и сама его жизнь среди казаков кажется сном. Мотивы сна и пробуждения сопрягаются с горами и образом Марьяны, которая является одним из воплощений гор. В чередовании засыпаний и пробуждений выделяется сцена в кавказском лесу, в логове оленя, где грезящее сознание героя переносит его в других живых существ, что ведет к обретению главного бытийного закона – закона любви, «жизни для других». Такое познание истины невозможно рациональным путем, ему способствует особое состояние – на грани сна и яви.

В **третьем параграфе «Образы мироздания в сновидениях Пьера Безухова»** рассматриваются сновидения Пьера Безухова и онтологически

родственные им сны / грезы Пети и Николая Ростовых. Если у героя «Казаков» так и не получилось соединить реальную жизнь с идеальными представлениями о ней, то героям романа «Война и мир» это удастся. Парадоксальным образом (что вполне соответствует причудливой логике сна) связанными оказываются на первый взгляд абсолютно несхожие герои, и связь эта, укорененная в общей для них способности воспринимать образы, обнаруживается в онирическом пространстве. Сны Пети Ростова о симфоническом оркестре и Пьера Безухова о «живом глобусе» сняты героям в одну и ту же ночь, накануне гибели первого и «воскресения» второго. Сон Пети выводит к сну Николая Ростова, построенному по тем же законам сновидческих трансформаций: перенесение в «волшебное царство», происходящее с Петей, первым испытывает Николай Ростов в Рождественскую ночь. Мотивы музыки и волшебства являются общими для сновидений братьев Ростовых. Водная символика, связанная и с жизнью, и со смертью, и принцип трансформации пространства объединяют сны всех трех героев.

В *четвертом параграфе* «**“Жизнь одна во всем”**: сновидческие прозрения царя Асархадона» рассматривается утверждение особого способа познания мира – «перенесения сознания на других» – на материале сказки «Ассирийский царь Асархадон», в притчевой форме обобщающей идеи, выраженные в «Утре помещика» и романе «Война и мир». Толстой сближает свою эпистемологическую концепцию с восточными религиями, представляя индивидуально-замкнутое бытие через метафору сна. Просыпаясь ото сна, человек обретает истинное знание: он должен «разрушать пределы, отделяющие» его «жизнь от других существ», и единственным способом разрушения этих преград оказывается любовь: чтобы «считать *другие* существа собою», надо «любить их». Таким образом, сновидческое прозрение Асархадона по сути совпадает с прозрениями Дмитрия Нехлюдова и Оленина и смыкается с прозрениями Пьера Безухова, а точкой пересечения становится «идея отрицания личности».

В третьей главе **«От Женщины к Богу: путь сновидческих прозрений героев Л. Н. Толстого»** исследуется толстовская модель взаимоотношений человека с Богом и роль женского начала в этой системе.

В *первом параграфе* **«“Женский миф” Л. Толстого и сновидение»** анализируются сны персонажей неоконченного рассказа «Сон», рассказа «Альберт», сновидения Николая Ростова, в которых воплощается «женский миф» писателя. Соприкосновение с женским началом становится отправной точкой путешествия автореферентных героев Толстого «к себе», задавая вектор движения от упоения собственным избранничеством, губительного опьянения мнимой властью к исцеляющему и очищающему душу чувству стыда и христианского смирения. И особую роль в этом процессе играет женщина. В неоконченном произведении «Сон» и рассказе «Альберт» женщина становится мерилom истины и проводником к пониманию смысла бытия. В единое целое соединяет разрозненные части сновидения Николая Ростова воспоминание / представление о Наташе, заставляющей сновидца испытать безотчетную радость бытия. Женское начало в творчестве Толстого соотносится с Божественным, молитвенным идеалом. Спокойствие, гармоничность, божественная полнота счастья и «любовное сожаление», присущие женщине из «Сна», становятся ключевыми характеристиками причастных «женскому мифу» героинь последующих произведений Толстого. И не случайно женское начало, служащее проводником истины, появляется в сновидениях героев: сон, являясь специфическим способом познания и самопознания, помогает разрешить стоящие перед сновидцем проблемы обретения своего места в мире через преодоление границ собственного «я». Женщина воплощает собой любовь, благодаря которой автореферентный герой Толстого способен ощутить свою причастность к общей жизни.

Во *втором параграфе* **«Сновидческие прозрения Болконских: Отец и Сын»** исследуется художественное воплощение мыслей писателя о смерти и человеческой связи с Богом, представленное в снах Андрея и Николеньки

Болконских. Первое сновидение князя Андрея обнаруживает связь с «женским мифом»: возникающий здесь образ Наташи, «сфинкса жизни», заставляет его между жизнью и смертью выбрать жизнь. Однако уже во втором сне, когда вопрос о выборе между «человеческой» и «Божеской любовью» решается в пользу последней, Наташе места нет: *женское* уступает Божественному. Образ Птицы Небесной, органично вплетающийся в ткань бреда Андрея Болконского, позволяет Толстому показать трансформации души и сознания умирающего человека. Значение совершающегося перехода в Вечность интуитивно постигает маленький сын князя Андрея. В сновидении Николеньки образ отца нематериален и служит олицетворением «светлых сил жизни», которые он должен защитить. Отец становится для мальчика средоточием «Божественной любви», центром духовного тяготения, проводником к Богу, как мать для другого Николеньки – Иртеньева, героя автобиографической трилогии Толстого. Сны героев-детей объединяет присутствие родительского начала и нематериальная природа образов (войско из «косых линий» Николеньки Болконского; «что-то удивительно прекрасное, белое, прозрачное, длинное» – мать в сновидении Николеньки Иртеньева) отсылают к воздушному зданию «из тонких иглонок или лучинок», воздвигающемуся в бредовом видении князя Андрея. Эти подчеркнута нематериальные образы обретут прочность, превратившись в «веревочные помочи» в сновидении автора-героя «Исповеди».

В третьем параграфе «Сновидение Дмитрия Нехлюдова: поиски пути» анализируется сон персонажа, прежде замкнутого в мире своего «я», вступающего в новый для него мир человеческого страдания и человеческой связанности. Прозрение совершается в результате отречения от собственного «я», эгоистических материальных и плотских устремлений, обращения взора вовне, к миру «царства Божьего». Ориентиром для движения по этому пути служат слова, произносимые во сне Катюшей Масловой. Присутствие женщины в этом сне, как и в других снах-прозрениях толстовских героев,

служит катализатором открытия истины и нравственного преображения героя, однако в романе «Воскресение» «женский миф» уходит на второй план, заслоняемый социальной тематикой.

Четвертый параграф «“Две бездны” и “веревочные помочи”: образы веры в сновидении автора-героя “Исповеди”» посвящен анализу завершающего произведения сна, который в символической форме раскрывает толстовское представление о вере. Две бездны (бездна плоти и бездна духа), между которыми на «веревочных помочах», олицетворяющих человеческую связанность и связь с Богом, балансирует человек, воплощают оппозицию материального понимания жизни, ведущего к неминуемой гибели, падению с высоты в пропасть, и духовного, реализуемого посредством взгляда ввысь, позволяющего поддерживать равновесие, гармонию. Закономерным, по мнению писателя, становится выбор спасительной верхней бесконечности. «Веревочные помочи», на которых удерживается сновидец, отсылают к нематериальным образам из сновидений Андрея и Николеньки Болконских и Николеньки Иртеньева, и «крепнут», символизируя неразрывную связь человека с Богом. Материнское начало в «Исповеди» сливается с Отцовским и в конечном счете – Божественным, так идея *Женского* отступает на второй план, что вполне естественно, ведь Бог, в понимании Толстого, соединяет два лица: Матери и Отца. Переход от «матери» к «Богу» утверждает единую природу материнского и Божественного начал, в основе которой лежит любовь.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются выводы.

Сновидения героев Л. Н. Толстого объединяются в отдельные группы. Первую составляют сны персонажей, увиденные ими в метель. В этом случае писатель выступает преемником «метельной» традиции русской литературы, в которой судьба, олицетворенная зимней стихией, ставит героя в ситуацию бытийного выбора, и дальнейшая жизнь зависит от его волевого и нравственного усилий. Сюжет «метельных» сновидений в творчестве

Толстого начинается рассказом «Метель», в котором герой-повествователь видит два сна, инициированных метелью. Эти сны не содержат прозрений, но обозначают важные темы и мотивы, которые разовьются в снах / состояниях «измененного сознания» Анны Карениной, охваченной страстью к Вронскому. Точку в этом сюжете ставит сновидение Василия Брехунова, к которому является истинный Хозяин бытия, повелевающий ему спасти своего работника, поскольку он и Никита есть «одно существо». Эта идея родственности всего живого воплощается во второй группе сновидений, принадлежащих персонажам, интенсивно пытающимся осмыслить свое бытие, понять *Другого* и самого себя. Эти сновидения имеют непосредственную близость к эпистемологической концепции Толстого, утверждающей единственно верный путь познания – перенесение *себя* в *Другого*. Итог сновидений подобного рода всегда один: желание «жить для других», чувство человеческой связанности. Здесь выделяются сновидения Пьера Безухова и Пети Ростова, в которых сновидцу является целостный образ мироздания – «живой глобус» Пьера Безухова и симфонический оркестр Пети Ростова, перед смертью утверждающего собственную жизненность. Необходимым контекстом для этих сновидений становится экстремальная ситуация – война 1812 года, обостряющая чувства героев непосредственной близостью страданий и смерти, частью сновидений становится мир природы и его элементы, самым важным из которых оказывается вода. Третью группу сновидений составляют сны, так или иначе связанные с «женским мифом» писателя, и сны-прозрения, в которых упраздняется «женский миф» благодаря пониманию целостности мироздания, совмещению *мужского* и *женского* в едином лице – Бога. Символическим сновидением можно назвать сон автора-героя «Исповеди», поскольку он дает наглядный образ веры. Так связь сновидений с эпистемологической и антропологической концепцией Толстого позволяет создать их типологию, напрямую связанную с бытийными поисками героев писателя.

**Основные положения диссертации отражены в следующих
публикациях:**

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кухтина Н. И. Сновидение как способ познания бытия: «Исповедь» Л.Н. Толстого / Н. И. Кухтина // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – № 1. – С. 32-35.
2. Кухтина Н. И. Мужское и женское в пространстве сновидений: рассказы Л. Толстого «Сон» и «Альберт» / Н. И. Кухтина // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – № 2. – С. 45-48.
3. Кухтина Н. И. «Теория о сне» и ее воплощение в рассказе Л. Толстого «Метель» / Н. И. Кухтина // Вестник Удмуртского университета. – Серия: История и филология. – 2019. – № 2. – С. 240-245.
4. Кухтина Н. И. Сновидения в рассказе Л. Н. Толстого «Хозяин и работник»: от жизни «для себя» к жизни «для других» / К. А. Нагина, Н. И. Кухтина // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2019. – № 3. – С. 100-110.

Публикации в других изданиях:

5. Кухтина Н. И. «Сон», или «Женский миф» Льва Толстого / Н. И. Кухтина // Труды молодых ученых Воронежского государственного университета. – 2012. – Вып. 1-2. – С. 128-131.
6. Кухтина Н. И. Сон-греза и расширение «Я» в творчестве Л. Н. Толстого / Н. И. Кухтина // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 31. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга»; Воронежский государственный университет, 2012-2013. – С. 407-413.
7. Кухтина Н. И. Горы, логово оленя и Марьяна: мотив сна и его функции в повести Л. Толстого «Казачьи» / Н. И. Кухтина, К. А. Нагина // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 33. – Ч. 2. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 330-338.